

(Копия)

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ. СЕКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

С Т Е Н О Г Р А М М А

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ тов.НУСИНОВА "ПРОБЛЕМА
ВЕКОВЫХ ОБРАЗОВ"

19.У.35 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ /т.КАММАРИ/: Товарищи, разрешите продолжение прений по докладу т.Нусинова начать. Первое слово имеет т.Лукач.

ЛУКАЧ /говорит по-немецки, переводит т.Лифшиц/: Тов.Лукач сказал следующее. Он считает заслугой т.Нусинова постановку этого большого вопроса, считает вместе с тем одним из достоинств доклада т.Нусинова то, что он ведет острую полемику против идеалистической теории абстрактной вечности художественных образов. Но вместе с тем оратор находит, что в докладе т.Нусинова обнаружилась некоторая его "трагическая вина", которая состоит в том, что докладчиком вместе с удалением абстрактных вечных истин была утрачена и реальная, реалистическая, диалектико-материалистическая почва под ногами и вместе с этими вечными истинами был выброшен всякий элемент объективной абсолютной истины в искусстве.

Тов.Лукач напоминает о двоякой постановке вопроса у Маркса. Во-первых, о социальном генезисе художественных произведений, во-вторых, о том, как возможно влияние, как возможно то обстоятельство, что ряд художественных произведений имеет значение в известном смысле нормы, недостижимого образца для дальнейших эпох, несмотря на то, что те социальные условия, в которых возникли эти произведения, уже больше не возродимы. И вот т.Лукач считает, что оба эти вопроса Маркс решает и нужно их решать только в совокупности, только вместе. Между тем ошибкой докладчика было то, что он придал исключительное значение, исключительный акцент первому вопросу, вопросу о генезисе, причем свел его к схоластическому объяснению художественного произведения, исходя из так называемой

родственности ситуаций. При этом, по мнению т.Лукача, докладчик нарушил ту самую историческую конкретность, о которой он говорил. Он считает, что все случаи влияния таких вечных образов в последующей истории выводимы из аналогии, из некоторого подобия тех ситуаций, положений, о которых идет речь. Тов.Лукач считает, что это деление не всегда правильно, хотя бывают такие случаи. И в качестве примеров, — я не буду подробно их излагать, потому что это отняло бы слишком много времени, — ссылается на огромное влияние, которое получил эпос Гомера в конце ХУШ столетия, что никак не может быть объяснено сходностью социальных ситуаций, или на такое обстоятельство, например, как своеобразное влияние "Дон-Кихота" Сервантеса также в ХУШ столетии на художественные произведения Стерна.

Тов.Лукач считает, что одной из основных ошибок тов.Нусинова было упрощение, схематизация его постановки вопроса при анализе социального происхождения искусства, а именно то обстоятельство, что докладчик свел все к абстрактной схеме классового положения, вместо того, чтобы взять живое, всестороннее общественное развитие.

Что касается тех соображений, которые были высказаны т.Нусиновым о взглядах Маркса на искусство, то тут т.Лукач полемизирует с докладчиком следующим образом. Тов.Нусинов говорил, что с точки зрения Маркса эта вечность, "вечная прелесть" присуща тем произведениям, которые являются отражением нормального детства человеческого рода. Тов.Лукач утверждает, что по мнению докладчика получается, что нормальное детство однажды было, затем наступает нормальная зрелость — социализм, тогда как между этими двумя эпохами была какая-то совершенная, абсолютная ненормальность, полная болезненность, какой-то период, который как бы нужно совсем выбросить. И тов.Лукач считает, что это нарушение марксистского диалектического понимания истории. Эпохи классового общества

в его различных этапах были необходимыми ступенями, лежащими между первобытным коммунизмом и социализмом. Поэтому надо думать, что и в художественных произведениях, которые их отражали, содержались известные элементы объективной и абсолютной истины.

Тов. Лукач считает, что докладчик впал здесь в известном смысле в грех релятивизма. Что сказали бы, — спрашивает тов. Лукач, — о таком исследователе истории науки, который выводил бы все математические истины, скажем, $2 \times 2 = 4$, только из определенного анализа социального положения, в котором они возникли, игнорируя то объективное значение, которое они имеют как известное отражение объективной действительности?

Конечно, — утверждает т. Лукач, — нельзя проводить механическую аналогию между искусством и наукой в этом отношении, тем не менее общие положения марксистской теории остаются закономерными для искусства, как и для науки.

Затем следующий пункт возражения относится к абстрактному противопоставлению отрицательных и положительных типов в докладе т. Нусинова. Тов. Лукач считает, что если, по мнению т. Нусинова, положительные типы, созданные старым обществом, будут жить дольше, чем те, которые связаны с отрицательными чертами, — то окажется, что "Отелло" будет иметь в дальнейшем значение без Яго, "Фауст" — без Мефистофеля, и все противоположные типы, связанные между собой, отрываются друг от друга.

Это подводит, — говорит т. Лукач, — к центральному моменту, в котором он возражает т. Нусинову. Тов. Лукач считает, что дальнейшая история человеческого сознания докладчиком как будто бы устраняется: он считает, что история была до сих пор, но, с уничтожением предыстории человеческого общества, вместе с созданием коммунистического общества, прекращается всякое движение человеческой

истории, причем здесь, — говорит в заключение т.Лукач, — удивительнейшим образом социологический релятивизм, который был ясно выражен в докладе т.Нусинова, переходит в столь же абстрактный догматизм. Т.Нусинов считает, что такие произведения, как Аполлон Бельведерский и Венера Милосская, являются абсолютно вечными, не подверженными никаким историческим изменениям, входят без всяких дальнейших условий и оговорок в то новое, что открывается с концом предьстории человеческого общества.